

В поисках радости, которой что-то нет

Виктор Розов больше не хочет писать пьес

Общая газета. - 1998. - 14-20 мая. - с. 14

ОДИН из самых знаменитых фильмов о Второй мировой войне – «Летят журавли» по пьесе фронтовика Виктора РОЗОВА. А еще были спектакли (а потом фильмы) «В поисках радости», «Традиционный сбор», «В день свадьбы», «Гнездо глухаря» и другие, тоже громкие, широко известные... Сейчас они выпали из репертуара театров. Виктор Сергеевич говорит:

– Сколько может идти пьеса? «Вечно живые» шла в «Современнике» 20 лет подряд. Она шла и в Театре имени Ермоловой.

– Спектакль и сейчас показывают по телевидению в записи.

– Он мне нравится больше, чем фильм «Летят журавли». Фильм очень эффектно снят оператором Урусевским. Зрителей больше поражают операторские и режиссерские эффекты, чем атмосфера войны. Хотя сценарий фильма писал я сам. А спектакль ближе к пьесе. Там все живут во время войны. Особое поведение было тогда, особое ритмы, особые интонации...

Однажды в Гамбурге была встреча со студентами университета – просмотр и обсуждение фильма «Летят журавли». Они молча смотрели на экран, а потом один паренек сказал умную фразу: «Ваш фильм неправильный. Вы романтизируете войну. Это плохо».

– Григорий Чухрай рассказывал, что, снимая «Балладу о солдате», впервые перестал романтизировать войну, за что пострадал от кинематографического начальства.

– Вот видите, какое совпадение. В пьесе моей никакой романтики войны не было.

– Сценариев больше не писали?

– Анатолий Эфрос поставил изумительный спектакль «Мальчики» по моей пьесе. Глава из «Братьев Карамазовых». «Начиная жизнеописание героя моего Алексея Карамазова...» – этими словами начинается глава. Значит, героем романа был именно Алеша. По этой главе и была мною написана пьеса «Мальчики».

– Вы когда-нибудь работали «в стол»?

– А зачем? Я был так далек от политики. Это сейчас я политизирован, как и вся страна. Тогда было очень дисциплинированное государство, страшноватенькое. Я тоже не любил ГПУ и сталинские расстрелы, но был занят другими делами, работал, писал, политика была от меня далеко. Я написал пьесу «Ее друзья» – о том, как девочка потеряла зрение перед самыми выпускными экзаменами и подружки вслух читали ей, чтобы она сдала экзамены. В основе – школа. Спектакль был поставлен Центральным детским театром в 49-м году. Три раза пьеса была запрещена. Мне порекомендовали: «Вставьте в пьесу Сталина». Я сказал, что Сталин тут ни при чем. Не вставил. А когда культ развенчали, мне позвонили и сказали: «Выкиньте из всех ваших пьес имя Сталина». Я ответил: «У меня его нет ни в одной пьесе». – «Не может быть!» – последовало восклицание. – Вы перечитайте». Зачем мне перечитывать свои пьесы? Я их хорошо знаю. Ненужных пакостей я себе не позволял. «Ее друзья» поставили во МХАТе у Дорониной. На каждом спектакле – аншлаг. И все аплодируют, плачут, смеются. Я удивляюсь, что люди с таким

удовольствием идут на эту пьесу. Она наивная.

– Вы дружили с актерами «Современника»?

– Дружил. Но не домашней дружбой, только творческой. Я их очень любил, а они, собаки, праздновали сорокалетие театра и даже не пригласили меня, хотя поставили около десятка моих пьес...

– Виктор Сергеевич, с какого времени вы пишете?

– Я родился и жил в Костроме. Там был театр рабочей молодежи. И для него я писал маленькие сценки. Потом в Костроме открыли театр юного зрителя.

– А сами играли?

– Играл. Я приехал с войны тяжелораненый, на костылях, и организовал при Доме офицеров драмкружок, где было «восемь девок, один я». Правда, на одной ноге, но такие фортели выкидывал! Нога до сих пор болит. Там осколком, вытащить их нельзя. Теперь хожу с палочкой, как настоящий старик. На фронт я пытался попасть сначала добровольцем, но меня не взяли, потому что с детства у меня правый глаз почти не видит. Только 10 процентов зрения. Тогда я вступил в народное ополчение. Когда немцы предложили бросок на Москву, попал под обстрел. Меня ранило. Ногу должны были отсечь выше колена, но там были золотые люди – хирурги, сохранили мне ногу. Все были замечательные, любезные: и врачи, и няньки, и санитарки.

– Тоскуете по тем временам?

– Тоскую по человеческим отношениям, которые были между простыми людьми.

– Кем были ваши родители?

– Семья моя была бедная. Помню, мама говорила: «Я люблю готовить, но у меня голова болит, из

чего готовить». Они рано умерли. Когда я стал хорошо зарабатывать, сожалел, что их нет, чтобы помочь материально.

– А как вы сейчас живете?

– Хорошо. У меня большая пенсия, у жены тоже пенсия. А сейчас получаю еще авторские гонорары за пьесу «Ее друзья», так что совсем раздухарился.

– Где отдыхаете?

– Раньше мы с женой ездили в Дом творчества в Ялту. С утра я всегда работал. Как-то написал четыре одноактные пьесы за четыре дня. А сейчас... Это такая боль сердечная. Что сделаешь? Не воевать же с Украиной. Все изменилось, когда произошла эта контрреволюция.

– Вы говорите об августе 91-го?

– Да. Ну что стесняться? Произошло возвращение к старому. Только царя нет. А ценность одна – деньги. И – «Сатана там правит бал»...

– При Горбачеве было лучше?

– Бесспорно. При Сталине были расстрелы, при Хрущеве тоже, при Брежнев – психушки... При Горбачеве лучше.

– Виктор Сергеевич, преподавать продолжаете?

– Много лет работал в Литинституте. Мои ученики – Нина Садур, Володя Попов, Саша Ремез. Сейчас у меня нет сил преподавать.

– Пишете?

– Нет. Не хочу и не буду. Возраст. Надо совесть знать.